

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ РОССИИ В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ

.....

А. В. Баранов¹

В статье проведен сравнительный анализ концепций региональных политических режимов постсоциалистической России. Определены особенности трансформаций данных режимов в системе властных отношений 1990-х и 2000-х гг. Аргументируется сохранение региональных политических режимов в настоящее время.

Ключевые слова: региональные политические режимы, Россия, система властных отношений, типология.

In this article a comparative analysis of conceptions of regional political regimes in post-socialist Russia is realized. The peculiarities of this regimes' transformations in the power relations system by 1990s and 2000s are determined. The conservation of regional political regimes up today is argued.

Key words: regional political regimes, Russia, power relations system, typology.

Актуальность темы статьи — в необходимости установить наиболее продуктивные концепции региональных политических режимов России, выявить особенности развития данных режимов в сравнении 1990-х и 2000-х гг.

Часто высказывается мнение, что использование термина «региональные политические режимы» в современной России некорректно, так как рецентрализация власти в 2000-х гг. превратила акторов политики в регионах в исполнителей федеральной воли [16, с. 327-328]. Мы не согласны с таким мнением. Региональные режимы сохраняют своеобразие свойств в сравнении с федеральным режимом. Унифицированы нормы права и строение органов государственной власти, но практики политического взаимодействия сохраняют свою

¹ Баранов Андрей Владимирович — доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: baranovandrew@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Современная эволюция политических систем и режимов в регионах России: сравнительный анализ», проект № 10-03-00074а.

специфику. Региональные режимы сохраняют достаточную автономию своих акторов и институтов, ресурсов и стратегий политики, что подтверждается наиболее зримо в республиках Северного Кавказа и Поволжья.

Политический режим обычно определяется как совокупность методов и процедур, реализующих политическую власть. Но такое определение нуждается в конкретизации. Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер трактуют режим как совокупность явных или скрытых структур общества, «которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей... используемые ими ресурсы и стратегии» [28, с. 73]. М. Дюверже называет режим механизмом общественного управления, который соединяет модели выборов, голосования и принятия решений со способами политического участия партий, групп интересов и иных акторов [10, с. 644-655].

Политический режим формируется вследствие повседневных практик и институтов властвования. По В.Я. Гельману, режим – это совокупность основных элементов: акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и /или удержание власти [8, с. 19-20].

Региональные режимы предполагают автономию акторов и институтов, ресурсов и стратегий политики. Внешние для региона акторы политики находятся во взаимодействии с внутренними. Россия 1990-х гг. – яркий пример расколотого политического пространства, на котором складывались автономные режимы, развивавшиеся в разных направлениях.

Типология региональных политических режимов России многообразна. Наиболее системно деление режимов по степени консолидации демократии. В.Я. Гельман выделяет режимы с одним доминирующим актором (моноцентрические) и со многими конкурирующими акторами (полицентрические); режимы с преобладанием компромиссных и силовых стратегий взаимодействия акторов [8, с. 19-22].

В ракурсе транзитологии Х. Линц и А. Степан выделяли тоталитарные, посттоталитарные (переходные) и демократические режимы [27, с. 14-33]. Но возникает много вопросов. Если переходные режимы имеют предпосылки оставаться таковыми на десятки лет, можно ли ограничиться термином «посттоталитарные»? Можно ли вести сравнения региональных режимов, не изучив их по единой методике?

Исследователи предложили ряд определений, смягчающих противоречия транзитологии. Г. О'Доннелл разработал модель «делегативной демократии». В отличие от зрелой демократии, в постсоветской России нормы и процедуры власти служат лидерам, а не правам граждан [18, с. 52-67]. Власть персонализируется. Роль представительных органов и неправительственных по-

литических акторов снижается. Неформальность институтов усиливается. Атомизируются социальные связи. Сходные определения режима: «демократура» (Ф. Шмиттер) [26, с. 31], «авторитарная демократия» (Р. Саква) [20, с. 212-233], «режим-гибрид» (Л. Ф. Шевцова) [25].

Последствия и проявления постсоветских трансформаций режимов разнородны для регионов. Поскольку Россия находится 20 лет в цикле трансформаций, полезно начать сравнительный анализ режимов с классификации переходных процессов. Вхождение трансформации режима в стадию неопределенности сталкивается в моделях Т. Карла – Ф. Шмиттера и Дж. Мунка – К. Леффа. Они адаптированы В. Я. Гельманом на примере России [8, с. 38-40]. Модели переходов таковы:

1) консервативная реформа – сохранение господства правящей элиты прежнего режима без смены акторов благодаря её приспособлению к новым институтам компромиссным путём;

2) пакт (реформа «через обмен») – смена режима при достижении компромиссных договоренностей разных сегментов элит или правящей элиты старого режима с контрэлитой;

3) реформа снизу – смена режима в итоге давления масс или контрэлит при использовании компромиссных стратегий;

4) революция – смена режима с использованием силовых стратегий старой правящей элитой и контрэлитой при мобилизации масс;

5) навязанный переход (революция сверху) – смена режима в итоге конфронтации внутри правящей элиты или между правящей элитой и контрэлитой, путем силовых стратегий без мобилизации масс.

Для большинства российских регионов навязанный переход стал доминирующей моделью. Неопределенность сохранялась долго потому, что после распада СССР резко вырос статус региональных органов власти.

Внутренний цикл взаимодействий акторов режима представляет собой постоянный обмен ресурсами: политическими, административными и экономическими. М. Бри выделяет таких акторов, как: федеральные политические элиты, федеральные финансово-промышленные группировки, главы регионов, «партии власти», электорат, крупные и малые предприятия, преступные группировки [2, с. 94-99]. Между ними поддерживается обмен ресурсами. Обмен проводится и по пространственной вертикали (зарубежные акторы – федеральные российские – региональные – местные акторы) и по горизонтали (межрегиональные связи).

В ракурсе обменов ресурсами между элитами Н. Ю. Лапина выделяет четыре модели их взаимодействия: патронаж, партнерство, подавление и «приватизацию власти» [14, с. 154-165]. В. Я. Гельман использует эту классификацию для доказательства четырех сценариев выхода режимов из неопределен-

ности [8, с. 43-55]. Сценарии определяются по соотношению ресурсов акторов и их стратегиям взаимодействий.

1. «Война всех против всех», т. е. всеобщее противостояние. Возникает, если нет доминирующего актора режима, а стратегии – силовые. Такой сценарий увеличивает неопределенность и может вести в тупик авторитаризма (Чечня).

2. «Победитель получает всё». Доминирующий актор есть. Используемые стратегии — силовые. В итоге один из акторов добивается полного превосходства и устанавливает контроль над всеми ресурсами (Калмыкия, Москва). Сценарий ведет к авторитарной ситуации.

3. «Сообщество элит». Доминирующий актор есть. Используются стратегии компромисса. Достигается явное либо неявное соглашение акторов о примирении с новым режимом на условиях доминатора. Сохраняется статус-кво в контроле акторов над частью ресурсов (Омская, Томская области). Создается гибридный режим.

4. «Борьба по правилам». Нет доминирующего актора. Используются компромиссные стратегии. Достигается взаимовыгодный компромисс в рамках новых институтов (Ярославская, Свердловская область). Ведет к демократической ситуации.

На деле возможно сочетание сценариев. На основе синтеза структурных и процедурных моделей В. Я. Гельман предложил модель обусловленного пути трансформации режимов [8, с. 43-55]. Ход и последствия развития объясняются основными факторами:

1) советским наследием – состоянием позднесоветских режимов и систем управления; их различия зависят, прежде всего, от ресурсных баз и хода модернизации;

2) характером перехода – своеобразным взаимодействием акторов и изменениями институтов.

Советское наследие оценивается по индикаторам:

– характер модернизации (аграрный либо индустриальный, время проведения);

– особенности системы управления (степень централизации и местничества, уровень ведомственности);

– автономия акторов (низкая–средняя–высокая);

– структурные расколы (раскол «город — село», раскол между экспорт-импортной вовлеченностью и системой жизнеобеспечения населения; между дотационными и успешными секторами экономики) [8, с. 345; 2, с. 94-99].

В итоге советское наследие создало разные предпосылки трансформации каждого из режимов. В пользу полицентризма и преобладания формальных институтов работали высокая автономия акторов (чаще всего городских) и на-

личие раскола «центр–периферия» («город–село»). Напротив, аграрность, низкая автономия акторов и отсутствие/слабость расколов содействовали моноцентризму и преобладанию неформальных институтов.

Полицентрический режим с преобладанием формальных институтов складывался в регионах, где исчерпаны силовые стратегии акторов и ни один из акторов не сосредотачивает основную часть ресурсов, а формальные институты успешно закрепляются. В противоположных условиях складывался моноцентрический режим.

Теоретическая модель региональных режимов, созданная В. Я. Гельманом, М. Бри и их соавторами, непротиворечива. Однако она использует слабоформализуемые индикаторы и осмысливает эмпирические данные 1990-х гг., когда каждый режим мог с оговорками рассматриваться как самостоятельный от федерального. Мала и выборка, в которую не вошли случаи северокавказских республик, регионов Сибири и Дальнего Востока.

Предложены и другие модели региональных режимов. Наиболее системные исследования проведены А. С. Кузьминым, Н. Дж. Мелвином и В. Д. Нечаевым [13, с. 142-155], а также А. Н. Медушевским [16, с. 326-340].

А. С. Кузьмин и его соавторы взяли за основу градуированный подход к демократизации. По нему демократия составляет спектр с широким разбросом вариаций и форм; число стран с промежуточными формами демократии растёт. Важно создать операциональные индикаторы уровня демократизации, корректные шкалы и единицы анализа. В центре внимания — политическая конкуренция между властью и оппозицией. Демократия имеет измерения: возможность оппозиции (прежде всего на регулярных, свободных и справедливых выборах), а также возможность политического участия граждан. Степень демократизма режима выражена в индикаторах:

- 1) формальном (правовом) разделении полномочий между законодательной и исполнительной ветвями власти;
- 2) степени конкурентности на выборах главы исполнительной власти региона;
- 3) уровне партийности регионального законодательного органа.

А. С. Кузьмин, Н. Дж. Мелвин и В. Д. Нечаев провели сравнительные замеры по 4-летним электоральным циклам [13, с. 144-147]. Выводы сделаны по итогам 1993-2000 гг. Выборка охватила 31 регион, выделенный по типам социально-экономической структуры.

Формальное разделение властей изучалось по методике М. Шугарта и Дж. Кэри. Конституции (уставы) регионов исследовались с помощью шкалы полномочий законодательного органа, включающей оценку участия в формировании исполнительной ветви власти, возможности досрочного прекращения полномочий, применения вето. Каждый регион ранжировался по дуальной шкале: как регион со слабой легислатурой либо регион с сильной легислатурой.

Конкурентность выборов оценивалась по методу Р. Таагеперы–М. Шугарта в расчетах числа эффективных партий или кандидатов на выборах. Данный индикатор измерялся по дуальной шкале низкой (менее 2)/высокой (более 2 чел. на место) конкуренции [6, с. 50]. Выборы главы исполнительной власти предпочтительнее парламентских, так как в большинстве регионов России упрочились губернаторские формы правления, а политическая роль legislatur подчиненна.

Уровень партийности регионального законодательного органа измерялся как соотношение депутатов, состоящих в партиях или официально выдвинутых ими, и численности парламента. Учитывалось и число эффективных партий в legislaturе. Различались варианты высокой партийности с принадлежностью к одной партии/устойчивому блоку или с многопартийной идентичностью. В среднем по регионам России уровень партийности парламентов составлял 13% для выборов 1993-1994 гг., 16,9% для выборов 1996 г. и 20% для выборов 1998-2000 гг. [3, 1997, № 5, с. 48-49]. В 2012 г. он в среднем вырос до 80% [3, 2012, № 6, с. 23-25].

В итоге комбинирования трех признаков 31 регион подразделен А.С. Кузьминым, Н.Дж. Мелвином и В.Д. Нечаевым на 12 разновидностей режимов. Позволим себе укрупнить типы режимов, выделенные по приведенной методике. Образуется 6 типов с внутренними вариациями [13, с. 147-150]. Очередность – по росту полиархичности.

1. Слабый парламента, сильный лидер на низкоконтрентных выборах, низкая партийность legislaturы.

2. Слабый парламента, высокая контрентция на губернаторских выборах, очень низкая партийность парламента.

3. Слабый парламента, умеренная контрентция за пост главы региона, высокий уровень партийности.

4. Сильный по правовым полномочиям парламента, низкая контрентция за пост главы региона, невысокая партийность парламента. Реально роль legislaturы снижена.

5. Важные формальные полномочия парламента, высокая контрентция на выборах главы региона, весомая реальная роль парламента.

6. Формально сильный парламента, серьезная контрентция на выборах главы региона, высокая партийность депутатов.

Для 1996-2000 гг. указанные авторы добавили новые типы режимов:

7. формальная слабость legislaturы, среднеконтрентные выборы, контроль парламента со стороны губернаторской «партии власти», харизматический лидер (Краснодарский край при губернаторстве Н.И. Кондратенко);

8. формальная сила парламента, низкая конкуренция на губернаторских выборах, высокая партийность за счет принадлежности депутатов к «блоку власти» (Кемеровская область).

Проведенная группировка регионов позволила сравнивать взаимовлияние отдельных признаков и системы в целом, выйти на уровень первичной типологизации политического развития регионов. Кузьмин, Мелвин и Нечаев установили достаточно высокую устойчивость режимов (20 из 31).

Мы не считаем оптимальным сильное дробление единиц анализа (12 типов на 31 случай). Ведь речь идет о формально-институциональных признаках. А в России никогда правовые полномочия, процедуры, заявленная партийная принадлежность не совпадали с реальными и куда более весомыми факторами. Трудно доказать, что эти индикаторы имеют высокую положительную корреляцию с качественными признаками режимов.

На наш взгляд, нельзя избегать качественных характеристик режимов. При многообразии разновидностей режимов их можно свести к базовой дихотомии «демократия–авторитаризм», на этой оси выделять промежуточные состояния.

Нельзя игнорировать и влияние общероссийского режима на региональные сообщества. Для большинства регионов выбор режима свелся к дилемме «жесткий авторитаризм или ограниченная демократия» [4, с. 67-74; 16, с. 326-329].

Первый вариант впервые осмыслен в концепции регионального авторитаризма (О.О. Сенатова, С.В. Борисов) [21, с. 146-147; 1, с. 34-40], которому свойственны ограничения публичной сферы политики, прав и свобод человека; господство политико-экономических группировок клиентелистского типа; определение этими группами курса выборных органов; подавление оппозиции на уровне партий, СМИ и культуры. В.Я. Гельман добавляет ряд признаков: доминирование исполнительной ветви в системе разделения властей; договор о взаимной лояльности между главой региона и федеральной властью; патронаж органов власти над общественными объединениями в обмен на поддержку [7, с. 14; 5, с. 103-104]. Жесткий авторитаризм означает мимикрию позднесоветского режима в интересах монополюльно правящих элит. Политический процесс сводится к внутриэлитному конфликту из-за власти и собственности. Роль выборов имитационна (Татарстан, Башкортостан, Калмыкия, Кабардино-Балкария, Мордовия, Саратовская область и др.).

Промежуточные состояния могут определяться как гибридные режимы (В.А. Ковалев) [11, с. 95], ограниченная/имитационная демократия (А.Н. Медушевский) [17, с. 327], управляемая демократия (А.П. Конякина, Н.В. Шинковская) [12, с. 143]. Делегативная демократия означает концентрацию власти в одном институте, её персонификацию главой исполнительной

власти, снижение роли законодательных органов и политических объединений. Взамен власть подключает внеинституциональные механизмы управления. Г. О'Доннелл раскрывает последствия режима: он не создает гарантий перехода к прочной демократии, а может застойно сохраняться в качестве преграды пути к демократии. Такой режим может деградировать до полного авторитаризма [18, с. 53]. Важно, что подобные режимы возникают на полупериферии глобализации (в Латинской Америке, на Балканах и в постсоветском пространстве СНГ). Они воспроизводят политико-культурную зависимость регионов, являясь формой их адаптации к новшествам.

Итак, следует различать регионы с консолидированными авторитарными режимами и регионы авторитарной ситуации. В.А. Ковалев отмечает, что в первых регионах трансформация режима путем свободных выборов вряд ли возможна, так как слишком слаба внутренняя оппозиция [11, с. 97]. При делегативной демократии возможно законное поражение губернатора и «партии власти».

Совокупность признаков делегативной демократии наиболее системно сформулировал А.Н. Медушевский [16, с. 327-328]. Такой гибридный режим дает парламенту второстепенные функции представительства элит и одобрения законопроектов; лидер режима поддерживает власть путем консолидации фрагментированной элиты и создания «партии власти»; оппозиционные партии и СМИ находятся под административным прессингом властей. Режимы такого рода сложились во многих регионах (Москва, Ульяновская, Ростовская области, Чувашия, Краснодарский край).

Авторитарные режимы делятся на формы, способные к демократизации в силу внутреннего состояния, и формы застойно-традиционалистские [16, с. 336-340]. К первой группе относятся режим ограниченной демократии и авторитарно-бюрократический режим. Они допускают плюрализм элит и оппозиционные партии, независимые СМИ, формальное разделение власти и собственности при жестком давлении на негосударственный сектор политической системы. Неокорпоративистский и неопатримониалистский режимы не допускают даже ограниченной свободы общественных акторов, позволяющей критиковать власть, выхолщивают разделение властей и правовые нормы, сращивают власть и собственность, персонифицируют власть в институте губернатора.

В нескольких регионах России за 1990-е гг. смогли укрепить режимы, относительно более близкие к демократии [17, с. 327, 336-337; 1; 19, с. 96-106; 9]. Они имели следующие черты: совпадение политической легитимности с формальной законностью; реальное разделение властей; открытый характер элит и их развитие на основе компромиссных стратегий взаимодействия; институциональное закрепление реальной многопартийности, свободных СМИ, отделение собственности от власти. Такая группа режимов формировалась

в Свердловской, Пермской, Ярославской, Томской, Нижегородской областях. Конечно, данные режимы не гарантированы от авторитарного «срыва». Ряд подобных режимов переродился в делегативные еще в 1990-х гг. в силу слабости внутренних ресурсов демократизации (Санкт-Петербург, Самарская и Калининградская, Челябинская и Новосибирская области, Красноярский и Приморский края). Другие режимы в 2000-е гг. подверглись перерождению вследствие федерального вмешательства, изменения институционального и нормативного формата политики (косвенные выборы губернаторов, смена партийной и избирательной систем).

В 2000-х гг. совершился переход от полицентричной к моноцентричной системе управления, от принципа «пакта элит» к принципу «победитель получает всё» [5, с. 103-104]. В.Я. Гельман объясняет исход трансформаций тем, что доминирующий актор смог увеличить контроль над ресурсами и добиться полного преобладания; снизить уровень фрагментации элит; обеспечить эффективность измененных институтов. В итоге издержки авторитарного управления стали меньше, чем демократического.

Косвенный порядок выборов губернаторов в 2005 — начале 2012 г. вкуче с изменениями партийной и избирательной систем, направленными на монополизацию власти, уменьшили различия региональных режимов России и перевели их из сферы публичной политики в область структуры внутриэлитной конкуренции на административных рынках. Р.Ф. Туровский подчеркивает: «В условиях российской элитократии структурирование власти в регионах происходит в первую очередь по линиям расколов между элитными группами и только во вторую очередь между такими политическими институтами, как ветви и уровни власти или партии» [23, с. 390]. Классификацию региональных режимов Р.Ф. Туровский проводит по четырем осям: «автономия — зависимость», «демократия — авторитаризм», «моноцентризм — полицентризм власти», «консолидация — конкуренция элит», отдавая приоритет именно последней оси [22, с. 85-88]. Степень консолидации элит в регионах контрастна, группы влияния образуют подвижные коалиции на основе экономического и персонального соперничества в недрах моноцентрических режимов.

Относительная конкурентность режимов в ряде регионов объясняется либо полицентризмом группировок крупного бизнеса (Пермский край и Иркутская область), либо институционально политизированной этничностью (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария), либо низкой консолидацией административных элит (Астраханская, Волгоградская, Костромская области). Перспективы роста конкурентности ввиду возврата прямых губернаторских выборов и перемен в партийной системе (2012 г.) представляются весьма умеренными.

Происходит рост взаимовлияний федерального и региональных политических режимов. Коллектив авторов под руководством К. Мацузато характеризу-

ет модель политических отношений «центр–субъекты федерации» [24, с. 6-18]. В России территориальные уровни власти, взаимодействуя, образуют систему «касикизма» [24, с. 8-10, 18; 15, с. 42]. Она означает: лидеры и элиты каждого нижестоящего уровня мобилизуют электоральную поддержку для вышестоящих элит. Те же оказывают поддержку регионалам и муниципалам в соответствии с ценностью затраченных ресурсов. Главные условия стабильности режимов — эксклюзивный статус глав регионов и сохранение пакта элит.

Общероссийская власть требует от региональных режимов лояльности на выборах и в иных политических процессах. Федеральные институты власти готовы поддерживать моноцентристические режимы в регионах, если те проявляют лояльность. Если региональные акторы имеют ценные для федеральных элит ресурсы и лояльны, то они могут достигать статуса «эксклюзивного партнера» центра. В противном случае, если региональные акторы расколоты, федеральные элиты могут стимулировать конкуренцию, выявляя сильнейшего актора. Тогда вступают в силу сценарии смены региональной правящей элиты под нажимом российских институтов власти или идеологического «дрейфа» элиты региона под нажимом извне. Первый вариант реализовался в Смоленской, Воронежской, Тверской областях, Санкт-Петербурге, Приморском крае, Якутии, второй — в Краснодарском и Ставропольском краях, республиках Северного Кавказа (кроме Ингушетии и Адыгеи) и Поволжья.

В итоге исследования сделаем выводы.

Региональный политический режим — совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и /или удержание власти. Типология региональных режимов наиболее эффективно определена в моделях Т. Карла – Ф. Шмиттера и Дж. Мунка – К. Леффа, адаптированных к российскому материалу В.Я. Гельманом. Теоретическая модель режимов, созданная в работе В.Я. Гельмана, М. Бри и их соавторов, непротиворечива и репрезентативна. Но она использует слабоформализованные индикаторы. Выборка регионов мала для обобщений. Теория среднего уровня предложена в работе А.С. Кузьмина, Н.Дж. Мелвина и В.Д. Нечаева на основе градуированного подхода к демократии, разработана система количественных индикаторов демократизации по критериям разделения властей, конкурентности выборов, уровня партийности региональных собраний.

В постсоветском российском обществе региональные режимы – долгосрочное явление, сохраняющее диверсификацию политических практик и институтов. Наличие региональных режимов устанавливается по степени автономии влияния внутренних акторов сообщества. Россия 1990-х гг. – пример децентрализованного политического пространства, в котором складывались региональные режимы. Они развивались в альтернативных направлениях — демократизации либо авторитаризма, что не исключало многообразия пере-

ходных форм. Централизация власти в России начала XXI в. соподчинила региональные режимы федеральному, стандартизировала институты и нормативное оформление власти, но не искоренила многообразие диспозиций акторов политики внутри регионов, специфику политических практик и ориентаций политической культуры.

Установлены модели постсоветских трансформаций политической системы: консервативная реформа, пакт, реформа снизу, революция, навязанный переход. В большинстве регионов России преобладает последняя из них. Среди сценариев выхода режимов из переходной неопределенности: «война всех против всех», «победитель получает всё», «сообщество элит» и «борьба по правилам» преобладание получили второй и третий. Региональные политические режимы России воспроизводят модель запаздывающей консервативной модернизации.

Библиографический список

1. *Борисов С. В.* Постоянные и переменные величины регионального политического процесса до и после выборов // Нижегородские выборы-95: новые тенденции и старые уроки. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 1996.
2. *Бри М.* Региональные политические режимы и системы управления // Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Изд-во «Весь мир»; «Berliner Wissenschaftsverlag», 2000.
3. Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1997. № 5.
4. *Гаман-Голутвина О. В.* Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // Полис. 2006. № 3.
5. *Гельман В. Я.* Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. 2007. № 2.
6. *Гельман В. Я.* Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис. 1997. № 5.
7. *Гельман В. Я.* Региональные режимы: завершение трансформации? // Свободная мысль. 1996. № 9.
8. *Гельман В. Я.* Трансформации и режимы. Неопределенность и её последствия // Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь мир; Berliner Wissenschaftsverlag, 2000.
9. *Дахин А. В.* Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами // Полис. 2009. № 2.
10. *Дюверже М.* Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. 2.
11. *Ковалев В. А.* Поставторитарный синдром в регионе: Опыт Республики Коми в контексте «путинского федерализма» // Полис. 2002. № 6.
12. *Конякина А. П., Шинковская Н. В.* Параметры эволюции политического режима в Приморье // Полис. 2003. № 2.

13. *Кузьмин А. С.* Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // *Полис*. 2002. №3.
14. *Лапина Н. Ю.* Бизнес и политика в современной России: проблемы взаимодействия // *Элиты в сравнительно-исторической перспективе*. Политическая наука. М.: ИНИОН РАН, 1998. Вып. 4.
15. *Мацузато К.* Политическая регионология бывших соцстран – достижения и задачи // *Перестройка и после: Общество и государство в СССР, России и новых независимых государствах, 1988–1998*. М.: МОНФ, 1998.
16. *Медушевский А. Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты. М.: ГУ ВШЭ, 2002.
17. *Медушевский А. Н.* Тенденции развития региональных политических режимов // *Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: сб. докладов. межрегион. семинара (Великий Новгород, март 2000 г.)* М.: Изд-во Центра конституционных исследований МОНФ, 2000.
18. *О’Доннелл Г.* Делегативная демократия // *Пределы власти: Приложение к журн. «Век XX и мир»*. 1994. №2–3.
19. *Панов П. В.* Региональный политический режим Пермской области: «сообщество элит без доминирующего актора?» // *Политический альманах Прикамья*. Пермь: Пушка, 2002. Вып. 2.
20. *Саква Р.* Изменение режима от Ельцина к Путину // *Политическая наука*. 2003. №2.
21. *Сенатова О. О.* Региональный авторитаризм на стадии его становления // *Куда идёт Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства*. М.: МВШЭН, 1996.
22. *Туровский Р. Ф.* Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Полис*. 2009. №2.
23. *Туровский Р. Ф.* Структурирование власти в российских регионах: между консолидацией и конкуренцией элит // *Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. статей*. М.: РОССПЭН, 2011.
24. *Феномен Владимира Путина и российские регионы: Победа неожиданная или закономерная?* М.: Материк, 2004.
25. *Шевцова Л. Ф.* Политические зигзаги посткоммунистической России. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
26. *Шмиттер Ф.* Процесс демократического транзита и консолидация демократии // *Полис*. 1999. №3.
27. *Linz J. J., Stepan A. C.* Toward Consolidated Democracies // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7, №2. April.
28. *O’Donnell G., Schmitter Ph. C.* Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore; London: John Hopkins’Inst. Press, 1991.